

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Симона Вейль и тексты 30-х годов

Алла Митрофанова

В издательстве Ивана Лимбаха в переводе Петра Епиханова вышел двухтомник *Тетради 1933-1942*¹ известной политической публицистки и философа Симоны Вейль (1909-1943). Это третье издание ее работ на русском языке, ранее издавались ее религиозные тексты. По-прежнему остается не переведенной ее политическая публицистика и философские работы. Все наследие Симоны Вейль составляет 15 томов, изданных во Франции при активном участии А.Камю. Он же, вероятно, и наделил Симону эпитетом святая, что хотя и привлекает к ней внимание, но закрывает интерпретацию ее творчества. Ее тексты переиздаются на разных языках: публицистические статьи в левых изданиях, религиозные работы переиздаются религиозными издательствами. При этом пересечения читателей не происходит, понять Симону Вейль как философа трудно, потому что есть две или три Симоны, связь между которыми постоянно блокируется ангажированным пониманием.

Я попробую поставить ее работы в контекст особенностей письма 30х годов и в параллель с математическими предложениями ее брата Андре Вейля, одного из основателей группы Бурбаки. Основанием для сравнения философии Симоны и математических концептов Андре может быть тезис Алена Бадью: математика – это онтология.

Жизнь как невозможная история

В книге имеется, составленная переводчиком по многочисленным материалам, невероятная биография Симоны, которую можно было бы рассматривать как самостоятельный экспериментальный проект. С детства

увлекаясь философией и математикой совместно со своим братом Андре Вейлем, она присутствовала на математических встречах, выездных семинарах. Закончив Эколь Нормаль как философ, Симона преподавала и одновременно занялась политикой, за что была уволена. Не считая возможным бороться за права рабочих, не понимая их условий жизни, она пошла работать на завод, написала *Заводские тетради*. Отправилась на стороне анархистов воевать в Испанию, но разочаровалась, увидев жестокость всех трех воюющих сторон: анархистов, коммунистов, франкистов. Получив рану в самом начале, посчитала это возмездием и удачей, которая позволила ей не участвовать в военном убийстве. На юге Франции она провела два года в монастыре в поисках христианской версии освобождения. Оказавшись в эмиграции, считала необходимым вернуться и работать в Сопротивлении. Познакомившись с участниками движения Свободная Франция, переехала в Англию и работала на радиостанции де Голля, не разделяя его авторитарных и колониальных взглядов. Она мечтала умереть в бою, но умерла от туберкулеза и истощения, по некоторым свидетельствам, уменьшив себе питание до нормы еврейских лагерей.

Тексты 30-х годов

Первый вопрос к трудам Симоны Вейль: как и в каком контексте их читать. Что это за тип письма, одновременно насыщенный смыслом, но не укладывающийся не только в канон, но и включающий в себя различные смысловые поля. Есть странная общность ее письма с текстами Лидии Гинзбург, Осипа Мандельштами, Вальтера Беньямина, Ольги Фрейденберг. Это фрагментированные тексты, которые пытаются работать с разноплановыми концептами и с предельными жизненными опытами. В них много интеллектуальной и формальной новизны, но они избегают связанности больших сюжетов.

Радикально инновативное письмо 10-х – 20-х с его разбором языка до элементов (заумь), переизобретение в новых ранее недопустимых соединениях по типу имажинистской метафоры, вовлеченность в пафос радикального конструирования нового мира (ЛЕФ), в 30-е годы, столкнувшись с болезненными последствиями революционного конструктивизма, уже не стремится к конструированию нового мира, а пытается осмыслить многоголосие и различие реальности. Мир, в котором после революций заговорило «молчаливое большинство», оказался не тем рациональным проектом, который планировался. Этот новый мир распадался на множества локальных миров, партий, групп, топосов, типов речи, несовместимых житейских

опытов. Так мир детей, едущих в Артек, купальщиков в многочисленных советских санаториях, студентов сотен новых вузов, параллелен миру ГУ-ЛАГа, политических убийств, ужесточению идеологической цензуры. И каждый из этих миров имеет достаточную эмпирическую достоверность, при этом они параллельны и, кажется, не пересекаются, они разделены непроходимыми смысловыми границами, при том, что локализованы в непосредственной близости. Но знание о параллельных реальностях, как будто, не может проникнуть в регистр эмпирики, остается за скобками.

В этом случае задачей философского текста 30х годов становится изобретение практик перехода из одной реальности в другую и попытки найти суперпозицию, которая может связать разные локальные миры в одном неравновесном и хрупком общем мире. Эта задача требует иного понимания рациональности, не как универсального общего правила (идеологической тотальности), а стремления к признанию различий и границ, типов солидарности не столько на уровне идеологических программ, сколько на уровне этических и жизненных практик. Симона Вейль выстраивает траекторию связей: философское сообщество – заводские рабочие, математики – политические активисты, служители монастыря – активисты Сопротивления. Она пишет текст о жестокости анархистов в войне в Испании (который едва не ставит ее в положение ненавидимой предательницы). Но из этой позиции становится возможно взаимное признание людей, разделенных идеологией. Ей понятно, что принимаемое за абсолютную свободу (победу), становится Адом, отрицание рациональности классического типа не замещается свободой автоматически. Свобода не возникает сама собой, она требует работы различения и связывания, т.е. новой политической и онтологической рациональности, которая невозможна без пересмотра понятий истина, противоречия, рациональность и др. Она пишет о новых политических задачах, которые понимает как необходимость сменить полярное противостояние на признание *децентрализованного мира*, с чем, по её мнению, не справились социалисты.

Новое понимание политики как децентрализованной и переход к ней очень труден, требуется умаление власти, на что власть не способна.² Мир не определен, элементы его не заданы заранее, мир реконфигурируется через связности, аналогии, переопределение понятий, практик и вещей. В поздних религиозных текстах она делает ставку на молчание бога и апофатическую теологию. Если бог молчит, то ответственность ложится на людей – это и есть поворот к действительности с ее вариативностью и множественностью.

Женское письмо

Наконец, в 30-е годы происходит всплеск женского письма. Революционные преобразования, маргинализировавшие патриархальные юридические институты, массовое участие женщин в политике, допуск женщин к образованию, сдвиг в гендерных стандартах воспитания (не будь барышней, будь летчицей; «мамы всякие нужны»), сдвинули «стеклянный потолок» и, главное, самоидентификацию женского. Произошел переход женского языка из сферы частного в сферу публичного. Таковы написанные в 30-е годы воспоминания Эммы Гольдман, недавно изданные «Свободным марксистским издательством», исследования Ольги Фрейденберг, Записки Лидии Гинзбург. Эти работы отличаются рядом общих черт: они отрицают монологичность и универсализм, работают с многоголосьем и различием регистров реальности, с формализацией и концептуализацией эмоционального и повседневного опыта. Это тексты составлены из фрагментов или небольших глав, но охватывают большой ареал микропрактик современной им жизни. Письмо погружено в поток жизненных обстоятельств, но и одновременно «остранено». Кажется, что эта «фемининность» свойственна письму 30-х годов в целом, за исключением агитационных текстов. Близкий тип письма находим у Мандельштама в философских эссе, в статьях Беньямина, в романе *Доктор Живаго* Пастернака. Философские тексты наполнены экзистенциальной избыточностью, неотделимой от политической и этической ангажированности.

Хотя среди текстов Симоны Вейль есть и собственно философские работы: «Наука и восприятие у Декарта», «Лекции по философии». Странность в том, что ее наследие издается в обратном порядке: сначала дневники, потом исследования. И это касается большинства женских собраний. Женщины-исследовательницы входят в теоретический и литературный канон через личные биографии, мы узнаем их психические особенности, об их нестабильной душевной конституции, и только потом прочитываем их концепты и теории. С одной стороны, это традиционное недоверие женскому философствованию, с другой, – запрос на расширенный анализ мышления как связанного с психическим опытом, политическим выбором и телесностью. От женской философии, как ни странно, в большей мере требуется мотивация поступков, эмоциональная достоверность и интеллектуальная нюансировка, способность различать в «самоочевидном», что делает их письмо аполитичным в традиционном смысле и сверх-политическим в нетрадиционном, поскольку сложность теперь проникает в ранее простое и самоочевидное.

Математика как онтология

Для того, чтобы понять полемический контекст, в котором можно читать дневники Симоны Вейль, я сделаю предположение, что ее философия и математика ее брата Андре Вейля связана постановкой проблем неклассической процессуальной онтологии. Есть сложившийся взгляд на Симону Вейль, который разделяют Камю и Сьюзен Зонтаг. Это философия «метания, болезненности и святости». Зонтаг пишет: «Бывают эпохи слишком сложные, слишком оглушенные разноречивостью исторического и интеллектуального опыта, чтобы прислушаться к голосу здравого смысла... Может быть, некоторым эпохам нужна не истина, а более глубокое чувство реальности, расширение области воображаемого»... «в перехлестах и масштабе самокалечения, как у Клейста или Кьеркегора, – была жизнь Симоны Вейль».³ Зонтаг отмечает три особенности времени – *сложность, различие речи и опыта, обостренное чувство реальности*.

Я попробую объединить эти три особенности (сложность, различия, эмпиризм) как характерные свойства новых онтологий. Невозможность предельного основания и распадающаяся картина мира – это не следствие болезненности, а следствие радикального изменения эпистемологических условий XX в., и необходимость поиска иной неклассической рациональности. Это потребовало пересмотра математики, физики и целого спектра гуманитарных наук. Математика, философия и политика оказались тесно переплетены в философских поисках Симоны и Андре Вейль.

Математика для С.Вейль – нечто большее, чем формальная система исчислений, это позиция «откуда видны различные возможности прочтения, отношения между ними и свое собственное прочтение – как всего лишь одно среди прочих», как «множественные тени одного предмета».⁴

Непроизвольность и строгость математических объектов позволяют говорить об инстанции необходимости, из которой они могут быть связаны. И на эту суперпозицию нужно встать для того, чтобы преодолеть формальную дискретность отдельных случаев. Математика изучает конечное в бесконечном и эта конечность и есть тот парадокс, который сродни «кротости». Конечность дает возможность сосуществовать множеству и разнообразию миров в той же реальности. При этом их онтологический статус не должен балансировать между истиной и негативностью, между сокрушительной критикой и обещанием утопии. Такая реальность имеет статус процессуальный, вариативный, не предполагает смертельной битвы за собственную истинность, допускает конструирование различий и сосуществование миров.

Противоречие, вытекающее из конечности, и есть для С. Вейль философская проблема, как и для Андре Вейля – проблема математическая. Если принять тезис Бадью, что онтология – это математика, то можно попытаться найти методологический ход Симоны. Предположим, что он близок той математике, которую разрабатывала группа Бурбаки, одним из основателей которой был ее брат. А. Вейль занимался теорией групп, функциональным анализом в топологических группах. Он предложил «гипотезы Вейля» о связи дискретных алгебраических многообразий и непрерывности топологии. Топология изучает свойства пространства, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях: связность, пределы. В письмах брата и сестры обсуждается алгебраическая геометрия как необходимость преодоления «абстрактного капитализма алгебры». Трансформации алгебраической геометрии происходят не в нейтральном пространстве, а в определенных конкретных свойствах пространств. В этом случае непрерывность отображения, т.е. различия форм перестают быть «конечной истиной». Актуальной становится не отдельная форма, а пределы допустимых деформаций. На основе гипотезы Андре Вейля группой Бурбаки была создана алгебраическая геометрия. Идеи топологии позже математизирует их младший друг анархист Александр Гротендик.

Какой гуманитарный и политический смысл в этих математических идеях? Кажется, что Симона работает именно над этим. В философской традиции нового времени геометрия была связана с локальностью, эмпирикой и конкретностью, в то время как алгебра с методом, абстракцией, с иерархией символических порядков. Картезианская традиция рационализма описывала геометрическое мышление как допускающее чувственное и профанное, вынесенное за пределы строгой аргументации, в то время как строгое мышление должно быть очищено от чувственного и прикладного. Так геометрический порядок («Этики» Спинозы) представлялся гротеском в мире фаустовских форм (Шпенглер).⁵ Для Андре Вейля, одного из создателей алгебраической геометрии, проблема алгебраического многообразия форм на некотором геометрическом пространстве смещается к проблеме топологических границ пространства. Симона интерпретирует политические идеологии как левого, так и правого спектра как абстрактные алгебраические машины, которые работают на том же самом топологическом пространстве. Имманентная плотность и хрупкость реальности трансформируется политическими машинами, в которых каждая не столько порождает истину, сколько оказывается инвариантом другой. Симона Вейль, столкнувшись с репрессивностью идеологий, пытается найти выход

из идеологической конечности, захватившей противоборствующие политические лагеря.

Выйти из противоречия (а она считает противоречие продуктивным) возможно через философское и политическое осмысление отображений идеологий друг в друга в пределах того же самого топологического пространства. Например, одна на всех реальность может принимать разные типы политических и социальных воплощений. При этом ошибкой будет претензия каждой из них на онтологическую полноту: ведь действительной проблемой новой рациональности оказываются сонаправленные трансформации, гомологические сходства и инварианты. Иначе говоря, вопрос не в том, кто более прав – анархисты, коммунисты или фашисты – а то, в силу чего возникают различные политические идеологии своего времени со сходными эффектами, несмотря на декларируемую противоположность. Что делает возможными производство разных миров на одном историческом пространстве? Как может пониматься политическая борьба в условиях, когда утрачена стабильность определений и встает проблема вариативных трансформаций процессуальной реальности. Как может быть понята онтология, не дающая единой картины мира? Не стоит ли отказаться от ставки на негативность и антагонизм ради новой рациональности, ради конструирования сложной этической новой политики?

Симона полемизирует с анархистами, коммунистами, со сторонниками и противниками, и ей становится понятно, что невозможно «занять правильную политическую позицию», поскольку декларируемые антагонизмы оборачиваются подобиями. Так сталинизм, пропагандируемый КПФ, петеновская Франция, империализм и колониализм де Голля понимаются ею как инварианты. И тогда эмансипаторность политических онтологий состоит не в том, что одна побеждает другую, а в том, что они все упускают.

Андре и Симона Вейль, 1922. ⁶

Анархистка Симона с разочарованием видит, что новые политические теории социалистов, коммунистов, анархистов, так изменившие мир, не способны избежать политического коллапса и замыкания в пределах определённых операций и групп. Их попытки объединения тоталитарны, структурно упрощены и, следовательно, репрессивны. Вместо организации сложности, тоталитаризм избавляется от сложности. Новые ситуации нуждаются в иных политических возможностях, новые связи Вейль пытается угадать, так как они «как дырки в картоне, откуда проглядывает узор». Современному мышлению не хватает воображения и внимания; Симона и себя упрекает за то же самое. Она говорит о необходимости тренировки гибкости воображения и устойчивости внимания, о задачах *анализа анализа* и группировки действий по трудности, а не по форме. Только так, по её мнению, можно уйти от нескончаемого насилия.⁷ Между теорией и приложением, между мыслью и знаком она видит столкновение вещества и разума. «Нужно из противоречия вывести равновесие, но его социалисты не вывели».

*Группа Бурбаки. 1938г. Слева Симона Вейль, Андре Вейль третий слева. Wikimedia Commons*⁸

У Симоны Вейль возникает смутный образ новой рациональности. Она говорит, что Тотальное освобождение – это ад, нужно найти такой способ отношений, который способен принимать и ограничивать новые различия. Жизненный процесс хрупок и должен находиться в центре этики и политики, и эта новая рациональность сможет обосновать нестабильность, вариативность мира. В результате становятся понятны «экстравагантные»

поступки Симоны, ее устройство рабочей на завод, ее поездка на гражданскую войну в Испанию с последующим разочарованием в идеях тотального освобождения, ее теология молчащего бога. Симона видит, что реальность разрывается между разными политическими режимами, которые в процессе проявляются как эквивалентные, становятся топологическими инвариантами с кровожадными свойствами. Это значит, что хрупкое пространство жизни подобно топологическому пространству и не может быть разорвано трансформациями политических форм.

Позже подобное смещение политического станет темой ее сверстницы Ханны Арентс. Арентс в эссе о Беньямине, говорит, что Беньямина интересовало одно – как дух эпохи связан с материальными формами, как одно описывается через другое.⁹ Это не практики левого прорыва и деструкции, а тактики перехода, наложения полей, обустройство равновесных связей, открытие в дырах противоречий новых паттернов и программ.

Аналогичные задачи решала Ольга Фрейденберг, отстраненная от работы в ленинградском университете в исследовании позднего античного романа как типа связи множества различных жанровых нарративов – от плутовского похождения до теологического откровения, смещения восточных и западных традиций в наложении, взаимодействие, поиске новых связей и ранее не соотносимых нарративов. Мир – не линейная бесконечность, а бесконечная нюансировка и запутанность мотиваций и неопределенности. Упование на единственную истинность своей позиции порождает немотивированную жестокость и даже кровожадность, которую Симона наблюдала одновременно у анархистов, коммунистов и фашистов, что нивелировало для нее победу любой из сторон.

В современной ситуации идеологических фундаментализмов и политических суеверий, агрессии и локальных войн опыт и рефлексия людей, живших в 1930-е годы кажутся не только близкими и легко узнаваемыми, но и своего рода лекарством против абсолютизации пропагандистских истин и антагонизмов политической непримиримости. Понятно, что антагонистические идеологии – не единственное политическое измерение реальности. Есть еще многослойные политики повседневности, хрупкости тел и пределов допустимого.

¹ Вейль Симона. *Тетради 1933–1942*: В 2 т. / Пер. с франц., сост. и примеч. Петра Епифанова (СПб.: Издательство *Ивана Лимбаха*, 2016).

- ² Вейль Симона. *Тетради 1933–1942*: В 2 т., т. I, с. 66.
- ³ Зонтаг Сьюзен. Мысль как страсть. Избранные эссе 1960-70-х годов (М.: Русское феноменологическое общество, 1997).
- ⁴ Вейль Симона. *Тетради 1933–1942*: В 2 т., т. I, с. 310, 324.
- ⁵ Майданский А.Д. «Геометрический порядок доказательства и логический метод в «Этике» Спинозы», *Вопросы философии*, 11 (1999), с. 172-180.
- ⁶ Фресан Хавьер. *Пока алгебра не разлучит нас [Теория групп и ее применение]* <https://math.wikireading.ru/121>
- ⁷ Вейль Симона. *Тетради 1933–1942*: В 2 т., т. I, с. 80.
- ⁸ https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Simone_Weil#/media/File:Bourbaki_congress1938.png
- ⁹ Арндт Х. «Беньямин», *Люди в тёмные времена* (М.: МШПИ, 2002). http://archive.is/20120908052557/http://krotov.info/lib_sec/01_a/are/ndt_01.htm